

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Шёлковый путь	13
1 Из старинной Отчизны поэтов и роз <i>Стоянка первая</i>	17
2 Минувшее в новой красе оживилось <i>Стоянка вторая</i>	71
3 И понял я, что заблудился навеки в слепых переходах пространств и времён <i>Стоянка третья</i>	101
4 Истории, похожие на легенды <i>Стоянка четвёртая</i>	123
5 Край чудесный, новых путников встречай <i>Стоянка пятая</i>	139
6 В лабиринтах снов <i>Стоянка шестая</i>	177
7 Тени голубого сна <i>Стоянка седьмая</i>	209
Библиография	249

Авторы книги выражают огромную благодарность сотрудникам Эрмитажа:
Павлу Лурье, Ольге Дешпанде, Анастасии Чижовой, Дарье Васильевой,
Адель Адамовой, Михаилу Грачёву, Антону Притуле, Марии Сологубовой,
Анне Новиковой, Владимиру Абинякину, Мариам Дандамаевой,
Андрею Большакову, Марии Халтунен, Марии Меньшиковой,
Анастасии Микляевой. Ваши труды, лекции, беседы с вами были серьёзной
поддержкой в работе над книгой.

От Михаила Пиотровского

Это наша вторая с Ириной Семёновной Кленской «перипатетическая» книга — беседы на прогулке по Эрмитажу. В этот раз мы решили разделить тексты двух авторов, подчеркнув своеобразие их стилей — академически сдержанный у Михаила Пиотровского и эмоционально-журналистский у Ирины Кленской. Текст М. Пиотровского набран прямым шрифтом, И. Кленской — курсивом.

ВВЕДЕНИЕ

И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.

В. С. Соловьёв

Что такое Восток? Как у Киплинга? Как у Владимира Соловьёва? Или как у Иоанна Дамаскина? Чужой мир? Мир чудес? Источник мудрости?

Какой он, Восток, на самом деле? Чего мы не знаем о нём?

Бродить по залам Эрмитажа — путешествие увлекательное. Мир Востока завораживает. Он сложный, загадочный: древние царства, Индия, Китай, Византия, Египет, Персия, Аравия, знаменитый Шёлковый путь, соединивший Восток и Запад; Дальний Восток, Средняя Азия — только начало пути.

Судьба и Время плетут причудливые узоры.

Европейцы придумали свой Восток. О нём писали как о соединении множества миров, писали о том, что Восток — юность души, что он везде и нигде, что в нём, как в сказочном пространстве, сплелись все времена и эпохи, он — единство вневременного.

«О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, но нет Востока — и Запада нет».

Мы все — жители крохотной планеты Земля. Конечно, мы разные, непохожие, но мир у всех один, и, чтобы в нём выжить, важно понимать друг друга, ценить, уважать, восхищаться своими соседями.

Мы странствуем... от Средиземного моря до Тихого океана. Нас не смущает, а, напротив, вдохновляет даль веков: загадка за загадкой. В музее хорошо бродить, особенно вечером... Смолкает шум, плутаешь по залам, пустым

Введение

и гулким, и кажется, слышатся шорохи, шёпоты времени... нам будто кто-то подаёт знаки. Нужно прислушаться...

Старинный бой часов как капельки ускользящего времени — пугает и чарует...

Михаил Борисович Пиотровский с удовольствием согласился сопровождать нас в путешествии.

Начнём, пожалуй, с одного важного события...

В 1910 году Матисс приехал в Мюнхен. Побывав на выставке восточного искусства, он — потрясён, околдован! Он уезжает, а неведомый мир увлекает и не отпускает художника. «Не могу налюбоваться светом, солнцем. У меня обновилось зрение, — писал Матисс, — я открыл новый цвет: цвет прозрачного вечера»¹.

«Арабская кофейня» — тихий шедевр Матисса.

Сидят люди на коврах, отдыхают: время сиесты, ласковый послеобеденный сон, дрёма. Сиеста — сладкое слово, полдень, шестой час после рассвета: время для спокойного размышления, медленного разговора.

Анри Матисс. Арабская кофейня. 1913. Холст, клеевые краски.
Государственный Эрмитаж. Фото: Демидов П. С.

Древние народы живут вечно, потому что чтут традиции, обычаи, которые учат безмятежности. Они знают: нет ничего важнее, чем неспешность и благостное расположение духа.

В послеполуденном глубоком сне моём
Сто тысяч лет прошли быстрее, чем мгновенье...²

Кофейня... на улице жара, зной, шум, а здесь — нежная прохлада, умиротворение. На ковре в глубине залы — музыкант, по сторонам сидят люди, внимательно слушают музыку. Если долго вглядываться в картину, можно даже услышать мелодию.

Рассказывают: однажды на весёлой пирушке поссорились молодые люди; музыкант, заметив их гнев, заиграл нежную песню и продолжал играть до тех пор, пока горячий пыл спорщиков не остыл. Музыкант, если он мастер, — говорят на Востоке, — может направлять души людей к добродетели и отвращать от низких поступков.

В другом конце кофейни человек, кажется, сладостно курит трубку.

Ваза с цветком — повод подумать о хрупкости жизни, золотые рыбки в большом аквариуме — символ вечного движения, бессмертия. Матисс заметил: местные жители очень любят наблюдать за рыбками, за их плавной, медленной жизнью. Созерцание — возможность заглянуть в бесконечность.

ЗАВТРА НА ВОСТОКЕ — НЕ ПРОСТО СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, А СИМВОЛ ТЕРПЕНИЯ И ОЖИДАНИЯ.

Спешить здесь не принято, поскольку время течёт по-своему, и всему своё время.

Матисс вернулся в Париж, в мастерской завёл аквариум с золотыми рыбками. Смотрел на них часами, как принято на Востоке, мечтал, думал, фантазировал. Он пытался создать в искусстве кристально чистую среду для духа. Ему были нужны прозрачность, воздушность, лёгкость — то, что он увидел на Востоке.

ВСЕГО ТРИ ЦВЕТА — БЛЕДНО-ГОЛУБОЙ, ЖЕМЧУЖНО-СЕРЫЙ, ЖЁЛТАЯ ОХРА... ЭТИ ЦВЕТА ОКРАШИВАЮТ ЛИЦА ЛЮДЕЙ.

Рентген показал: Матисс сначала всё задумал иначе, были яркие краски — сочный жёлтый, нарядно-синий, звонкий красный. Не было на картине и музыканта. Перед дверью, в самом низу картины, стояла обувь.

Снять обувь перед входом в дом, в храм, в кофейню — традиция, похожая на привычку европейцев снимать шляпу в знак глубокого уважения и почтения: человек, снявший обувь, демонстрирует смирение. Кроме того, можно принести в дом, в храм грязь, пыль и признать свою личную нечистоту в присутствии святости. Считается, что надевать обувь нужно с правой ноги, а снимать — с левой. Левая и правая сторона — особые символы: при совершении чистых дел (еда, питьё, одевание) должна участвовать правая рука, а при совершении нечистых (раздевание, сморкание и прочее) — левая.

Мусульмане едят правой рукой, а левую используют для дел, причиняющих неудобства. Нужно помнить на всякий случай: шайтан ест левой рукой.

В День суда всем людям будут вручены книги, в которых записаны все их поступки, мысли, деяния. Праведники получают книгу с правой стороны, а грешники — с левой. Человека всю жизнь сопровождают два ангела: один находится на правом плече, а другой ангел на левом плече записывает дурные поступки, все грехи. Интересно, что в Европе во время мистерий слева всегда изображался ад, а справа — рай.

Детали важные, многозначительные, через них мы узнаём тончайшие оттенки жизни. Но Матисс решил все эти нюансы убрать — яркие краски закрасил. Почему? Он объяснил это стремлением к совершенству, а совершенствоваться — значит упрощать. Лавина цвета бессильна сама по себе. Цвет достигает полной выразительности, если он организован и соответствует

интенсивности чувства художника. Всё просто, но гораздо сложнее, чем кажется.

Лично мне, востоковеду, «Арабская кофейня» напоминает стиль, созвучный восточному мусульманскому искусству: тонкий, причудливый, пленительный, выражающий дух внутренней безмятежности. Мудрецы говорят о необходимости направлять душу к благородным силам, к кротости, великодушию, смелости, справедливости, щедрости.

Мы вглядываемся в картину Матисса и понимаем: художник превращает самую обычную бытовую сцену в глубочайший философский иероглиф. Простая житейская ситуация становится поводом для размышлений о мире, о жизни, о вечности.

Когда ты видишь человека, который подозревает плохое в людях, изыскивая в них недостатки, знай, что он сам в душе плохой. Он смотрит на людей сквозь призму своего характера, радуется грехам других. Матисс восхищался мудростью Востока: если человек не чувствует красоты цветов, если не ценит дружбы, если его не радует музыка, значит, человек болен, его надо лечить.

Мы смотрим на картину и, кажется, беседуем с людьми, жившими когда-то. Нам нравится молчать с ними, мечтать, как было принято на долгих караванных стоянках, ночью, в пустыне... И, как арабская вязь, уже который век вьются нескончаемые истории — смешные и грустные, красивые и страшные, они развлекают, удивляют, печалят и учат нас мудрости.

Представьте себе лунную ночь, небо, усыпанное звёздами, пронзительную тишину, звон ветра, и тревожные воспоминания не дают покоя — о людях, когда-то здесь живших, о мгновениях радостных и грустных.

«Постойте, поплачем... Постойте, поплачем над жилищем, заброшенным в сыпучих кривых песках»³, — пел поэт.

Стёрся след жилища... но его тень осталась, она похожа на истлевшие страницы книги или узор, которым покрывают ладони девушки перед свадьбой.

Постойте... Остановитесь ненадолго, подумайте, вспомните тех, кто ушёл. Дом, каким он был и навсегда остался в наших воспоминаниях, нельзя вернуть, но живая память сердца поможет принять новые обстоятельства и пережить превратности судьбы.

Этот мир наполнен лучами солнца и луны, а человек погрузил голову в колодезь и спрашивает:

Введение

— Говорят, будто существует свет. Если это правда, так где же он?

— Эй, высунь голову из колодца, посмотри вокруг: весь мир — Запад и Восток — озарён этим лучом, но пока ты находишься в колодце, луч не достигнет тебя.

Горит костёр, мерцают звёзды, жарится козлёнок. Мы странствуем — века мелькают, фантазии кружат нас, истории завораживают. И сквозь шелест времён мы слышим их. Север, юг, запад, восток — всегда можно точно определить место. Спереди, сзади, слева, справа — никогда нельзя точно определить место...

Дорога не кончается...

Фрагмент картины Анри Матисса «Арабская кофейня»: аквариум с рыбками

ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ

Дорога в тысячу шагов начинается с первого шага... Его звали Чжан Цянь. Он был отважным воином, ловким дипломатом, хитрым купцом, очень умным человеком. Император Хань У-ди в 138 году до нашей эры доверил Чжану секретное поручение: разузнать подробно, но осторожно о планах кочевников, об их жизни, привычках.

Кочевники — опасные враги и близкие соседи. Недаром говорится: держи друзей близко, а врагов — ещё ближе. Чжан Цянь отправился на разведку. Прошло 13 лет — он много странствовал, видел разные страны и города, долго томился в плену — наконец, добрался до Поднебесной, вернулся домой.

Император встретил его ласково — они долго беседовали. Чжан Цянь предложил своему повелителю дерзкий план: зачем воевать, если можно торговать? Зачем гневно ссориться, если можно договориться? Можно покорить весь мир, не доставая оружия: есть дорога, которая соединит Поднебесную с Западным краем, и дорога эта принесёт много богатств и, как знать, может быть, — власть над миром.

Так возник «План десяти тысяч ли».

Верблюды пошёл, вздыхая и пыля, караваны отправились на Запад... Они шли по знойным пустыням, пересекали огромные равнины, переправлялись через бурные реки, преодолевали горы, терпели жгучий зной, лютые холода. Караваны везли сокровища: шёлк, фарфор, бумагу, металл, порох, чай — из Китая; слоновую кость, драгоценные камни, нефрит — из Индии; пряности и виноград — из Персии. Великий Рим принимал дорогие товары и всем за всё платил золотом.

Мощные империи и царства соединялись, всматривались друг в друга, узнавали ближе, знакомились: Индия, Персия, Средняя Азия, Римская империя.

ЕВРОПА СТАНОВИЛАСЬ БЛИЖЕ К ВОСТОКУ, А ВОСТОК МИРНО ПРИБЛИЖАЛСЯ К ЕВРОПЕ.

Караваны часто останавливались: люди, верблюды, лошади отдыхали, и стоянки превращались в уютные оазисы встреч, где плелись разговоры. Торговцы, монахи, воины, бродячие артисты, просто местные жители, странники — люди общались, узнавали друг друга, обменивались знаниями, навыками, советами, книгами.

Европейцы называли этот мирный путь «Шёлковым». Шёлк — лёгкий, струящийся, обволакивающий — умиряет гнев, дарит силы, уводит боль, украшает жизнь, но...

Не в каждом споре сила побеждает,
Порою в глади шёлка неспроста
Соскальзывало остриё кинжала⁴.

Дорога соединяла людей, дарила идеи, сказки, дорога оберегала от бед. Так начинался диалог разных культур: узнать собеседника, посочувствовать ему или порадоваться вместе с ним, побеседовать по душам и удивляться, удивляться услышанной мудрости.

Разве что-то изменилось? Музей продолжает этот давний дивный диалог культур. Единый язык в разных контекстах. В странствиях понимаешь, как много миров украшают жизнь.

Мы отправляемся в путешествие — неспешно последуем назад, по древней караванной дороге, переведём дух на старых стоянках. Быть может, ветер странствий принесёт нам вести из далёких стран, неведомых миров. Не имеет значения, насколько медленно ты идёшь, главное — чтобы ты не останавливался.

Шёлковый путь

Как рассказать о Востоке, чтобы не потерять нить повествования? Как не запутаться в его хитросплетениях?

Учёные предпочитают строгие факты и неопровержимые доказательства, поэты уносятся в мир грёз и воспоминаний. Для нас, музейщиков, Восток — это вызов: как рассказать правду, не забывая о волшебстве; как создать пространство, где древность оживает в современном мире; как не разрушить магию вещей — свидетелей эпох — и не превратить их в обыкновенные скучные экспонаты. Мы в Эрмитаже предпочли неспешный и тернистый, но, возможно, самый захватывающий маршрут — тропу странствий, приключений и географических открытий, полную воспоминаний и отголосков прошлого. Мы пытаемся подробно, в мельчайших деталях, показать пути, которые вели на Восток, дороги, которые соединяли миры.

Отправимся по извилистым тропам Шёлкового пути, которые, словно нити, связывают нас с историей.

В Эрмитаже возможно всё...

ИЗ
СТАРИННОЙ
ОТЧИЗНЫ
ПОЭТОВ
И РОЗ

Стоянка первая

Остановимся. Вспомним великих Сасанидов.
«Сами они, по их собственному мнению, во всех отношениях далеко превосходят всех людей на свете»⁵, — язвительно писал Геродот. Они уверены в своём превосходстве и убеждены, что ведут своё происхождение от богов.

Персидская империя — самая могущественная в мире, самая богатая и прекрасная. Персы красивы: высокие, статные, взгляд — огненный; любят сладкое, умеют воевать, очень храбрые и сплочённые. Персы не воздвигали храмы и алтари, они приносили жертвы на вершинах гор. Детей с пяти до двенадцати лет обучали только трём вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости. Персы считали ложь худшим из недостатков.

Наибольшим почётом у персов пользуются ближайшие соседи, затем — отдаленные, а наименьшим — люди, живущие далее всего от них.

Мы можем узнать о них, рассматривая вещи. Вещи говорят о многом, и сасанидское серебро Эрмитажа — яркое тому подтверждение. Это лучшая и самая роскошная коллекция в мире.

Сасаниды — великая династия великих персов, она славно существовала более четырёх столетий. Серебро, пронизанное золотом, нравилось Сасанидам: изящная роскошь — стиль, который отличает их вкусы. Изысканные серебряные вещи многое и о многом могут поведать — о жизни, привычках и обычаях древнего народа, даже о его причудах.

Вокруг замечательной коллекции сасанидского серебра сложилась удивительная эрмитажная школа исследователей, составившая славу отечественной науки и преумножившая славу классического иранского искусства. Это легендарный директор Эрмитажа Иосиф Орбели, элегантная в науке и в жизни Камила Тревер, блистательный Владимир Луконин, умнейший эрудит Борис Маршак и многие другие.